

РЕФОРМА МВД КАК СУБЛИМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ (К дискуссии по поводу нового закона о милиции)

В.Б. Пастухов

Ключевые слова: реформа МВД, милиция, полиция, законопроект.

Подходит к концу официальное обсуждение проекта нового закона о милиции, позиционированное правительством как одна из главных инициатив по наведению порядка в работе вызывающего все больше нареканий министерства внутренних дел.

Признаюсь честно — я не верю в коллективный разум. Особенно, если разум этот не имеет возможности проверить, куда деваются плоды его бурной деятельности. Поэтому идея организовать PR-кампанию вокруг закона о милиции возродила в моей душе лишь ностальгическое воспоминание о годах юности, когда я участвовал во “всенародном” обсуждении брежневской конституции.

Ответ правительства оказался неадекватен сигналу, посланному ему обществом. Общество обеспокоено милицейским произволом и требует от правительства принять срочные меры по его устранению или хотя бы ограничению. Правительство в ответ публикует проект нового закона о милиции, подготовленного тем самым министерством, которое является основным объектом критики, и предлагает обществу поучаствовать в его обсуждении.

Предложение правительства, с моей точки зрения, выглядят неадекватными по трем основным причинам:

Во-первых, новый закон мало чем отличается от старого по существу и не содержит ответа на главный вопрос, который волнует общество, — о контроле над деятельностью милиции.

Во-вторых, новый закон в принципе не может решать ту проблему, которая волнует общество, потому что ограничение милицейского произвола требует срочных институциональных реформ, перестройки работы всего правоохранительного блока.

В-третьих, закон о милиции в иерархии правовых актов, регулирующих деятельность МВД, занимает отнюдь не самое важное место, поэтому, если уж и обсуждать что-то, то надо было начинать не с Закона о милиции, а с комплексной ревизии уголовно-процессуального законодательства, нуждающегося в кардинальной перестройке.

Даже беглый взгляд на законопроект показывает, что хороший “новый” закон по своей философии и структуре очень близок к плохому “старому”. Для того, чтобы убедиться в этом, надо просто положить оба текста рядом. Те же “установки”, что-то изложено чуть лучше, что-то чуть хуже, много бессмысленной патетики и почти ничего действительно нового. Вполне естест-

венный результат, если учесть, что спасение утопающих было поручено самим утопающим.

По сути единственная широко разрекламированная новация по главному интересующему общество вопросу о контроле над милицией — создание общественных советов при МВД (как в центре, так и на местах). Но, во-первых, де-факто эти советы, по-разному называясь, действуют уже сейчас, как при МВД, так и при ФСБ. А, во-вторых, как показала жизнь, от них больше вреда, чем пользы. Общественные советы — это сугубо декоративные органы, участие в которых полезнее для членов этих советов, чем для общества.

Наверное, даже в рамках этого законопроекта можно было бы предложить что-то большее. Можно было бы прописать жесткий порядок декларирования доходов всеми членами семей сотрудников милиции или, по крайней мере, семей ее руководящего состава. Полезно было бы прописать статус и полномочия службы собственной безопасности, которая сегодня не в состоянии провести никакой полноценной проверки. Можно было закрепить новый порядок рассмотрения жалоб на действия сотрудников милиции, при котором жалобы не попадали бы на рассмотрение к тем, на кого жалуются, как это происходит сейчас. Можно было бы, наконец, обязать проверяющих давать мотивированные ответы на жалобы и заявления, в которых бы приводились аргументы по существу поставленных в этих жалобах вопросов, а не направлялись бы отписки о том, что оснований для удовлетворения жалобы не обнаружено.

24

К сожалению, ничего этого сделано не было. Но даже если бы это и было сделано, оно мало что изменило бы по существу, потому что не в этом корень зла. Главная претензия к милиции сегодня состоит в том, что она никакие законы не соблюдает. Как этому может помочь новый закон о милиции (не говоря уже о переименовании милиции в полицию)? Ну, она будет точно также не соблюдать хороший закон о полиции, как раньше игнорировала плохой закон о милиции.

Проблема ограничения милицейского произвола разрешима только при помощи ряда глубоких институциональных реформ, которые в принципе не могут быть реализованы путем внесения поправок в один только закон о милиции. Уж если и было принято решение что-то обсуждать всенародно, то надо было выносить на обсуждение проект нового уголовно-процессуального кодекса и общую концепцию реформы всей нашей правоохранительной системы.

Вообще должен заметить, что ничто так не характеризует современную Россию, как дискуссия о милицейской реформе. В ней русская действительность отразилась во всей своей противоречивости. У этой дискуссии много поводов, но мало причин. Настоящей, глубокой мотивации что-либо всерьез предпринять нет на самом деле ни у власти, ни у общества.

Власть работой милиции на самом деле довольна, так как по ее мнению она со своими задачами в целом справляется. Критерием эффективности милиции для власти является отсутствие массовых беспорядков. Общество, как это ни странно, также очень далеко от мыслей о реформе. В нем зреет глухое раздражение жизнью вообще и милицией в частности. Не любить, однако, не зна-

чит — желать реформы. Общество в основной своей массе желало бы ограничить произвол милиции, но не свой собственный произвол. Уважение к закону чуждо российскому обществу еще больше, чем уважение к милиции. Зачастую, создается впечатление, что власть и общество просто хотят на эту тему *поговорить*.

Непосредственным поводом для начала *разговоров о реформе* послужила серия гротескных преступлений, совершенных сотрудниками милиции в 2009–2010 гг. Неестественный, театрално злодейский характер этих преступлений создал *имиджевую проблему* для власти, которую той пришлось решать, имитируя движение к реформам. Это, в свою очередь, послужило сигналом для авантюристов всех мастей, которые восприняли такое движение как повод свести с милицией счеты и как возможность “решить” свои собственные проблемы. Так возникли два непрозрачных потока, которые затопили собою дискуссионное поле.

Официальная кампания с самого начала была сбалансированной и нацеленной на утилизацию избыточного общественного раздражения. Она началась сдержанным обсуждением в “Российской газете” и закончилась Указом Президента РФ, который благоразумно передал дело реформирования МВД в руки самого МВД.

Но одновременно началась и неофициальная кампания. Один за другим в Интернете стали появляться разоблачительные материалы о милиции, все это переросло очень быстро в требование ликвидировать МВД, а кое-где заговорили и о “партизанском сопротивлении”. Легковесность и радикализм подобной критики породили у консервативной части общества нечто вроде аллергической реакции на саму дискуссию о реформе МВД. В наиболее острой форме эта реакция проявилась в статье председателя Конституционного суда РФ В.Д.Зорькина, который сравнил нападки на милицию с разрушительной силой “перестройки” и предрек, что следствием этих нападков может стать распад государственности и погружение России в хаос [Зорькин 2009].

Разделяя обеспокоенность Зорькина очевидной недобросовестностью и поверхностностью отдельных критиков российского МВД, я должен, однако, сказать, что это само по себе не является поводом, чтобы оставлять МВД вне критики. Защищая милицию от недобросовестных и спекулятивных нападков, необходимо тем не менее трезво и беспристрастно оценить ее нынешнее состояние и способность выполнять возложенные на нее конституционные функции.

КТО ВИНОВАТ? МИЛИЦИЯ КАК “РИТУАЛЬНАЯ ЖЕРТВА”

Как это ни парадоксально, но разговор на эту тему я хотел бы начать со слов в защиту милиции. Мне кажется, что ей изначально в общественном сознании была уготована роль “козла отпущения”. Однако по самым разным причинам милиция на эту роль не подходит. Вообще странно, что дискуссия началась именно с милиции. Есть кандидаты и получше...

Во-первых, перефразируя Гегеля, можно сказать, что каждое общество имеет ту милицию, которую заслуживает. Милиция — это зеркало современной российской жизни, в которое общество, однако предпочитает не смотреть,

а когда смотрит, то себя в нем не узнает. В этом вопросе трудно не согласиться с мнением Владимира Путина, оппонировавшего Юрию Шевчуку во время их ставшего знаменитым диалога [Стенограмма б.г.].

Действительно, милиционеры — не марсиане, и их не завезли в Россию на космическом корабле. Более того, сегодня наша милиция, наспех комплектуемая выходцами из всех слоев общества, народна как никогда ранее. И пресловутый милицейский произвол есть лишь отражение той общей атмосферы произвола, которая царит сегодня в российском обществе. То есть в этой части Путин, дискутируя с Шевчуком, как кажется, близок к истине.

Во-вторых, язык не поворачивается говорить о полной неэффективности милиции. И тут Владимир Путин прав. Беспомощность милиции в современной России — это начало открытой гражданской войны, которая будет протекать в форме всеобщей криминальной войны. Тот, кто говорит о полной неэффективности МВД, просто не обладает достаточно развитым воображением. Если бы милиция вообще не выполняла свои функции, то уже и сама дискуссия о ее роли в современной России вряд ли была бы возможной.

Дело, однако, не в милиции как таковой, а в тех правилах (формальных и неформальных), которым подчинена ее деятельность. “Правила игры”, по которым играют милиционеры, созданы не ими. Как писал Илья Эренбург, в России принято ругать извозчика за то, что телегу трясет на ухабах плохой дороги. Поэтому менять нужно, в первую очередь, не людей, а правила, которые задаются извне.

Главная проблема российской милиции в том, что она не является самостоятельной правоохранительной структурой и не исполняет в полном объеме возложенные на нее конституцией и законами функции.

МВД — это роскошная декорация, прикрывающая сегодня деятельность российского ФСБ. В этом смысле любой разговор о реформе МВД бессмыслен. Что решает реформа ведомства, которое само уже давно ничего по существу не решает?

Сращивание МВД и ФСБ в той или иной степени запрограммировано законодательно. Существует определенное противоречие между компетенцией оперативных служб ФСБ, которая законом об этой организации определена очень широко (борьба с преступностью — т.е. со всем, чем угодно) и компетенцией следствия ФСБ, которая ограничена Уголовно-процессуальным кодексом рамками пусть и слишком широкого (на мой взгляд), но все-таки вполне определенного круга преступлений.

В переводе с юридического на бытовой язык это означает, что сотрудники ФСБ могут влезть в любое уголовное дело, но не могут сами довести его до суда, так как лишены права расследовать очень многие виды преступлений, включая такие специфические, как налоговые правонарушения, да и экономические преступления в целом.

На практике эта проблема решается просто — ФСБ сегодня полностью подмяла под себя МВД и Следственный комитет при Прокуратуре РФ, которые как раз и обладают необходимыми полномочиями по расследованию большей части тех преступлений, прежде всего — экономических, которыми сотрудники ФСБ интересуются теперь в первую очередь. Образно выражаясь,

МВД, находясь полностью в подчиненном положении у ФСБ, сегодня выполняет компенсаторную роль, восполняя недостающую ФСБ компетенцию по расследованию отдельных категорий преступлений. Милиция — это мягкая перчатка, надетая на жесткую руку чекистов.

Взаимодействие между МВД и ФСБ — это главный, если не единственный вопрос, который имеет смысл сегодня обсуждать, говоря о милицеской реформе. Формально они являются “параллельными структурами”, каждая из которых действует в пределах своей компетенции, установленной законом. Действительность очень далека от этого идеала. ФСБ давно превратилась в куратора МВД, стала его внутренним “я”. Реальная компетенция ФСБ ничем не ограничена, кроме “революционного правосознания” его сотрудников. Они способны инициировать и контролировать любое уголовное дело.

Существует целая система “приводных ремней”, которыми милиция сегодня пристегнута к ФСБ. Прежде всего, интерес вызывает существование внутри ФСБ Службы экономической безопасности (ранее ДЭБа), которая присвоила себе право заниматься любыми экономическими преступлениями.

Информации о работе СЭБ ФСБ немного. Тем не менее, похоже, что она структурно напоминает ЦК КПСС — каждой отрасли экономики здесь положен свой контролер. В определенном смысле слова современная ФСБ является чем-то средним между ЦК КПСС и КГБ СССР. На практике, зачастую, она подменяет собою правительство.

Это ассоциация становится еще более осязаемой, если принять во внимание практику командирования сотрудников ФСБ для работы в другие правительственные ведомства. Абсурдной является ситуация, при которой на должности заместителей руководителей министерств или руководителей крупнейших департаментов назначаются люди, числящиеся в штате ФСБ и получающие там вторую заработную плату.

Эти “комиссары от ЧеКа”, простодушно называющие себя “кураторами”, не пассивны и помимо исполнения своих сугубо специфических функций “соглядатаев” активно вмешиваются в управленческий процесс, оказывая зачастую давление на руководителей ведомств. Можно предположить, что аналогичными методами контролируются и крупнейшие государственные компании.

МВД является главной жертвой “кураторства”, оно сверху донизу напичкано штатными и нештатными сотрудниками ФСБ. По сути, милицеские следователи и оперативники давно разделились на “белую” и “черную” кость — тех, кто уже связан с ФСБ, и тех, кто об этом пока только мечтает. Все это дополняется “личной унией”, практикой тотального контроля “командных высот” в МВД выходцами из ФСБ, причем, как правило, представляющих достаточно узкий клан внутри самой ФСБ.

Проблема еще и в том, что нормативно-правовая база такого “скрещивания” правоохранительных структур, если и существует, то недоступна для исследования гражданскими юристами. Это правовой “черный ящик”, о работе которого можно судить, только наблюдая за тем, что есть на входе и выходе. Предположительно, механизм взаимодействия реализуется посредством создания так наз. объединенных оперативно-

следственных групп, куда наряду с сотрудниками ФСБ входят и милиционеры. Через работу этих групп ФСБ осуществляет полный контроль милицейского следствия.

Таким образом, правоохранительная система России носит двухуровневый характер. Это своего рода “двухпалубник”, на верхнем, открытом обзоре этаже которого сосредоточены бесправные исполнители (милиция, прокуратура и другие), а на нижнем, скрытом от посторонних глаз, расположились те, кто принимает решения — офицеры ФСБ. Конституционность такой конструкции если не сомнительна, то, по крайней мере, заслуживает того, чтобы ее исследовали и гласно обсудили.

Разложение милиции начинается с потери смысла ее существования. Ничто так не развращает, как лень, соединенная с безответственностью. По сути, милиции отведена роль вспомогательной службы. Ничего серьезного она сама сделать не может, для этого есть старший “куратор”. Это особенно остро ощущается в милицеских верхах. Министр внутренних дел в России — фигура не политическая, а административная. Это не министр, а исполнительный директор. Чем лучше он обеспечивает описанное специфическое взаимодействие между МВД и ФСБ, тем считается более эффективным. Этот “импульс бесполезности” передается сверху вниз по всей милицеской вертикали и деморализует сотрудников. В свободное от исполнения поручений старших товарищей время милиция работает на себя.

Поэтому частная реформа МВД ничего не даст. Реформируй или не реформируй милицию — система от этого не изменится. Эффективной в России может быть только реформа всей правоохранительной сферы в комплексе.

Во-первых, для успешной реформы необходима идеологическая база. Сегодня такой базы нет, поскольку даже сам лозунг построения правового государства снят с повестки дня. Если не будет реальной политической воли на осуществление реформы, то не будет и самой реформы.

Во-вторых, только барон Мюнхгаузен был способен вытащить сам себя из болота за волосы. Российская милиция такими фантастическими способностями не обладает. Поэтому никакая реформа невозможна без восстановления эффективного внешнего контроля за деятельностью МВД. Это значит, что реформа правосудия должна проводиться или раньше, или одновременно с реформой МВД. Это тема отдельного разговора, скажу только, что реформа правосудия в России должна начинаться с внедрения принципов судебного самоуправления и обеспечения хотя бы относительной независимости суда от исполнительной власти.

В-третьих, главным условием успешной реформы МВД является устранение двухуровневого характера правоохранительной системы, при котором существует “внешняя” и “внутренняя” службы. МВД (или его правопреемники) должно стать ответственным ведомством, самостоятельным в пределах своей компетенции и несущим всю полноту ответственности за поддержание правопорядка в стране.

Хотим мы этого или нет, но реформа в первую очередь должна коснуться не МВД, а ФСБ. Эта организация в течение каких-то десяти лет вновь стала “нашим всем”, восстановив и даже умножив (за счет партийного контроля) все свои прежние полномочия. Речь не идет о дискриминации или дис-

кредитации ФСБ. Речь идет о возвращении ее деятельности в конституционные рамки.

Я не берусь судить о том, насколько целесообразно иметь специализированную службу, ориентированную на борьбу с терроризмом, осуществление разведывательной и контрразведывательной деятельности, существующую наряду с другими спецслужбами, в том числе такими, как ГРУ и СВР. Но я глубоко убежден в нецелесообразности сохранения “суперслужбы”, фактически приватизировавшей компетенцию всех других правоохранительных ведомств, включая МВД.

Здесь необходимо внести ясность. Реорганизация ФСБ — это, собственно, не реформа правоохранительной системы, а ее предпосылка, своего рода *conditio sine qua non*. Само по себе урезание не обусловленной текущими потребностями общества “сверхкомпетенции” ФСБ проблем не решает. Но оно дает возможность начать их решать. Только после того, как ФСБ перестанет быть внутренним “я” МВД, Прокуратуры и Следственного комитета, можно будет приступить к серьезной реорганизации этих ведомств.

Сегодня практически неважно, как устроена милиция, так как за ее спиной стоит “дядька” в лице ФСБ, который поправит и направит, похвалит и накажет, а когда надо и зачистит. Но если этот стержень изъять, то придется переиначить всю правоохранительную систему, прежде чем она сможет начать нормально функционировать. Одно дело — сохранять архаичную советскую милицию почти в неприкосновенном виде, зная, что работаешь со страховкой. Другое дело — оставлять ее в этом виде, понимая, что это *единственная* работающая структура и никакой параллельной резервной копии не существует.

Под таким углом зрения на реформу МВД пока вообще мало кто смотрел, и запас идей выглядит чрезвычайно скудным. В общем и целом наиболее конструктивно звучат предложения Сергея Степашина, которые сводятся к созданию единого следственного комитета и разделению МВД на федеральную криминальную полицию, национальную гвардию и региональную милицию. Однако здесь уместны два замечания.

Во-первых, начинать, видимо, нужно не со структуры, а с целей. Прежде чем определять конфигурацию основных компонентов системы, надо определиться с содержанием ее деятельности. Сегодня должны быть пересмотрены существующие подходы к организации всего уголовного судопроизводства, которое является плохой калькой с советской системы. Например, необходимо вернуться к вопросу об обновлении уголовно-процессуального кодекса, который слишком много вопросов оставляет открытыми. Достаточно сказать, что ситуация, при которой обвинение предъявляет следователь, а не прокурор, который должен поддерживать его в суде, выглядит, с моей точки зрения, довольно странной. Только после этого можно будет определиться, нужен ли нам единый следственный комитет или, например, следствие должно быть организовано при судах, и так далее.

Во-вторых, и это, наверное, главное, все эти изменения имеют смысл только при выполнении уже озвученного предварительного условия — “сжатия ФСБ” до уровня его конституционной компетенции. Иначе мы просто вме-

сто одних марионеточных правоохранительных структур получим другие и большего числа.

КТО ЕЩЕ ВИНОВАТ? ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА “СВЯЩЕННУЮ КОРОВУ”

Проблема, однако, в том (и отнюдь не только ментальная, но и политическая), что ФСБ постепенно превращается в России в “священную корову”, о которой на официальном уровне говорят либо хорошо, либо ничего. Поэтому все острее становится потребность в том, чтобы вернуть эту структуру в поле непредвзятого политического дискурса. Недостаток этого дискурса я и хотел бы частично восполнить данной статьей.

С определенной точки зрения, мы имеем уникальную историю “институционального” успеха. Организация, ставшая двадцать лет назад объектом остракизма, разделенная (но не покоренная), лишенная (формально) большей части своих полномочий, восстала из политического небытия как птица Феникс, не только ничего не растеряв, но даже приобретя больше, чем было.

Справедливости ради надо сказать, что в истории ФСБ уже бывали свои взлеты и падения. Рассуждая “с очень большими допусками”, в советской истории можно обнаружить своеобразный “военно-политический цикл”. С тех пор, как большевики пришли к власти, приблизительно каждые двенадцать лет эпоха политического возвышения военных сменялась эпохой, в которой доминировали спецслужбы.

Здесь я должен сделать две оговорки. Во-первых, когда я пишу о влиянии армии или спецслужб, я не имею в виду их прямое участие в политическом процессе. Скорее речь идет о том, что то одна, то другая структура поочередно становилась “опорной” для определенных сил в политическом руководстве страны. Во-вторых, говоря о “циклах доминирования”, я сознательно выхватываю определенные события из исторического контекста, фокусируя внимание читателя на некоей тенденции. Такой подход имеет множество недостатков, но у читателя всегда остается право на свободное критическое осмысление этой гипотезы. В конце концов, он может рассматривать ее как концептуальную шутку.

Тем не менее, можно предположить, что годы с 1917 по 1929 остались за армией, что было естественно для страны, вышедшей из гражданской войны. Несмотря на внушаемый ею ужас, ЧК в это время не играла той выдающейся роли в жизни общества, которая была уготована ей в будущем. В обществе оставалось сильно влияние “военных вождей” вроде Льва Троцкого, изгнание которого из СССР в 1929 г. символизирует окончание этой эпохи.

Следующие двенадцать лет являются самыми мрачными в советской истории и однозначно ассоциируются с полицейским засильем в стране. Как утверждают современные исследователи, именно 1929 г. следует считать началом эпохи “большого террора”, который “притих” лишь из-за начавшейся в 1941 г. “большой войны”.

Война выдвинула новую военную элиту (возникшую практически на пустом месте взамен уничтоженной старой) на передовые политические позиции, заставив “палачей армии” временно затаиться. Кульминацией этого влияния стал военный переворот 1953 г., когда Хрущев, опираясь на Жукова, устранил Берию.

1953 г. стал пиком политического влияния “армии-победительницы”. Хрущев же извлек необходимый урок из своей собственной победы и всю жизнь опасался армии. Он добился удаления Жукова, осуществлял военные реформы, напоминая погром, и предпочитал опираться на молодых выдвиженцев в обновленной госбезопасности. Все это закончилось к 1964 г., когда к власти пришел Брежнев.

В 1965 г. был дан старт борьбе за ракетно-ядерный паритет с США. Армия была “любимым ребенком” Брежнева, которому ни в чем не было отказа. Она же была и важным инструментом поддержания политической стабильности, например, в Праге... Райская жизнь закончилась с началом брежневского слабоумия. В 1976 г. армию впервые возглавил не кадровый военный, а “производственник” Устинов. В 1977 г. бразды правления стали плавно перетекать в руки Андропова.

1977-1989 годы прошли под знаком многогранного и многоуровневого влияния органов государственной безопасности на все стороны жизни советского общества. В это время была предпринята попытка бюрократической реорганизации системы, высшим проявлением которой стала “перестройка”. Кризис “перестройки”, ставший очевидным после XIX партконференции, оказался и точкой отсчета для роста армейского влияния.

Созыв в 1989 г. Съезда народных депутатов и избрание его депутатом Ельцина ознаменовало собой начало нового цикла. Продвижение Ельцина к власти неразрывно связано с усилением политической роли армии. Чеченская война сделала армию центральной фигурой на политической сцене России 1990-х. Но именно поэтому она была обречена. Провал чеченской кампании подорвал авторитет армии в обществе. С 2001 г. роль “усмирителя Кавказа” закрепилась за спецслужбами. Они же стали доминирующей силой в политической жизни страны.

Эти циклы, если принять данную гипотезу, могут выражать какие-то социальные закономерности, не до конца нами поняты. Известно, что армия является более народной, чем спецслужбы (хотя бы по своему составу и психологии). Поэтому настроения в армейской среде более адекватно передают настроения в обществе. Подъем социальной активности, как правило, совпадает с периодами роста армейского влияния, а ее спад отдает государство во власть спецслужб.

Очевидно, что первые годы после Октября общество жило инерцией революционного подъема. Зато потом произошел естественный надлом, сопровождающийся социальной и политической апатией. На этом сломе НКВД “пододвинуло” армию. Война привела массы в движение, а вместе с ними и армию. Пятидесятые, несмотря на оттепель, были годами усталости, когда обессиленное общество пыталось залечить раны, оставленные войной и террором, а шестидесятые, наоборот, несмотря на “политическую заморозку”, оказались годами невиданного общественного подъема, давшего имя поколению. Соответственно, пятидесятые так и остались за госбезопасностью, несмотря на все разоблачения, а шестидесятые стали эпохой политического возрождения армии, несмотря на общее политическое похолодание. Семидесятые с их вселенским безразличием и цинизмом вернули спецслужбы на “капитанский мостик” государственной жизни. Однако поднимавшаяся в кон-

це 1980-х волна общественной активности их оттуда вымыла, освободив дорогу военным. Сегодня на дворе вновь депрессия. Она охватила общество, пережившее разгульные 1990-е годы с их бандитизмом, коррупцией, крушением идеалов и национальным унижением. Она же стала фундаментом, обеспечивающим политическое доминирование спецслужб над армией.

Как бы там ни было, но с началом XXI в. в России настало “время ЧК”. В определенном смысле возрождение ФСБ из пепла кажется вполне логичным, оно попало в “такт истории”.

Тем не менее, возродилась ФСБ к жизни в весьма специфичной форме, и, что бы там ни говорили, она имеет очень мало общего со зловещим КГБ СССР. Прежде всего, ФСБ не смогла стать ни полноценным инструментом реализации личной власти вождя (как это было при Сталине), ни полноценным гарантом стабильности системы (как это было при Брежневе). Скорее, современная ФСБ в политическом смысле напоминает кошку, которая гуляет сама по себе. Чтобы понять, как это могло случиться, необходимо пристальнее взглянуться в “бурные 90-е”, когда, собственно, и закладывалась основа для возрождения ФСБ из небытия.

При Ельцине государство в значительной степени потеряло контроль над обществом и из субъекта превратилось в объект, само наряду с материальными активами стало “жертвой приватизации”. Оно отступило под натиском энтропии, “съежилось”, потеряло влияние. Это было “маленькое государство” в большой стране, лишенной каких-либо других механизмов саморегулирования и поэтому полностью отданной во власть частных интересов. Государство попало в зависимость от олигархов, сами олигархи находились в зависимости от криминальных “авторитетов”. Территория, которую государство оставило почти без боя, досталась мародерам. Бал на этом пространстве правило ничем не ограниченное насилие уголовников и мелких лавочников, которые, соединившись, невероятно быстро превратились в крупных лавочников.

Любые попытки описать эту стихию как рождение буржуазии и демократии выглядят не просто неадекватными, но и опасными – потому, что подпитывают ни на чем не основанные иллюзии. Все, что так не нравится сегодня либералам в России Путина, появилось на свет в России Ельцина.

Но что действительно интересно – государство при Ельцине практически не менялось. Несмотря на блеск мишуры в спешке создаваемых “демократических” атрибутов, оно до конца оставалось “советским”, в смысле опирающимся исключительно на бюрократический аппарат. Оно отступало под натиском неконтролируемой стихии, но не сдавалось. Сжималось, но не ломалось.

Всегда найдутся “знающие” люди, которые убедительно докажут, что выбор Ельциным Путина был сугубо личным решением Ельцина (Березовского, Абрамовича, Юмашева, Волошина и так далее), что все могло быть иначе, и тогда мы стали бы свидетелями других событий. Я не могу спорить с этим, так как совершенно не информирован о том, как именно принималось решение о передаче власти. Однако я разделяю мнение тех социологов, которые считают, что сосредоточение власти в руках спецслужб выглядит наиболее логичным и ожидаемым следствием той внутренней эволюции, которую претерпевало советское государство при Ельцине.

Если бы руководителем страны на том этапе не стал Путин, им стал бы другой представитель “силового блока”. Если бы этот слой бюрократии не пришел к власти мирным путем, то он получил бы ее при помощи переворота. “Силовики” должны были прийти к власти, и они пришли к ней. Ельцин лишь спрямил путь истории.

Офицеры КГБ, действующие и ветераны, были остоном теряющей контроль над обществом власти. Это была единственная корпорация внутри вымирающей советской бюрократии, которая могла оказать сопротивление стихии и побороться за себя. Она всегда была выстроена как государство в государстве. И когда внешнее государство пришло в упадок, внутреннее попыталось занять его место.

Пружина сжималась почти пятнадцать лет и, наконец, в 2001 г. распрямилась. Когда она разжалась, это назвали восстановлением вертикали власти. Но эта была вертикаль “старой власти”. Так перед смертью наступает короткая ремиссия, потому что организм мобилизует все свои силы на борьбу. “Советское” государство сделало последнюю попытку зацепиться за этот мир, прежде чем окончательно уйти в мир иной, опершись на касту выходцев из спецслужб, сохранивших государственный менталитет в условиях полного и всеобщего разложения всех других государственных институтов и деградации других слоев советской бюрократии.

ВИНОВАТ ЛИ КТО-ТО ВООБЩЕ? СИЛА И ХАОС

Я дебютировал в “Полисе” почти два десятилетия тому назад статьей о судьбе демократического движения в России. Тогда так наз. демократическое движение казалось большинству наблюдателей самым ярким и полным воплощением нового смысла русской политической жизни. Я заканчивал статью словами: “Были времена, и, частично, они продолжаются до сей поры, когда демократическое движение удостаивалось множества похвал. Не за горами время, когда это движение не менее произвольно превратится в глазах общественного мнения в изгой” [Пастухов 1992: 16]. Сегодня история повторяется, только действующие лица в ней другие.

Сейчас “при дворе” другие времена, и самым ярким явлением в политической жизни России стало движение загадочных “силовиков”. По общему мнению, они являются самой влиятельной силой в современной России. Эксперты журнала “Stratfor” полагают, что все перипетии русской политической жизни могут быть интерпретированы как борьба “силовиков” с их не менее загадочными оппонентами — “цивиликами” [Кремлевские войны б.г.]. Средний класс смотрит на “силовиков” как на чуму XXI в., называя их “окупантами” [Латынина б.г.]. Население голосует за них “сапогами”, всеми правдами и неправдами устраиваясь на работу в милицию, таможду и налоговую службу [Где учеба... б.г.].

Сегодня спор о степени и продолжительности влияния “силовиков” на общественную жизнь в России ограничен и ведется преимущественно между теми, кто считает, что это надолго, и теми, кто считает, что это навсегда. Я в этом отношении настроен более пессимистически и полагаю, что вскоре, как и в случае с “демократами”, незаслуженно вознесенные к небу “силовики” будут так же незаслуженно оттуда низвергнуты на землю, пре-

вратившись в глазах общественного мнения в новых “изгоев”. И я не уверен в том, что в оценке их исторической роли не будет допущено перекосов.

Эффект от “силовой прививки” оказался неожиданным. Хаос хлынул внутрь “возрождающегося” государства. Единство “чекистов” сохранялось недолго. Виной всему стал пресловутый “человеческий фактор”. Знаменитые статьи Виктора Черкесова о “чекизме”, о внутреннем разложении “ордена чистильщиков” заслуживают сегодня гораздо более внимательного прочтения¹. Они указывают не только на личную обиду автора (как это было расценено большинством экспертов), но и на реальную проблему, с которой “корпорация чекистов” столкнулась после прихода к власти.

С одной стороны, нельзя не признать заслуг “чекистской корпорации”. В общем и целом она сумела поставить под контроль и независимых олигархов, и их покровителей — “воров в законе”. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться со статистикой эмиграции первых и арестов вторых. Однако на место “независимых” олигархов и воров пришли “зависимые”.

У новой власти не было ресурса, чтобы ликвидировать произвол. Прежде всего, она не имела для этого соответствующей опоры в обществе, которое в силу исторически присущего русскому народу правового нигилизма не рассматривало устранение беззакония как актуальную политическую задачу. Поэтому такая задача и не ставилась.

Была поставлена другая задача — ликвидировать непосредственную угрозу государству, исходящую от олигархов, непомерно усилившихся на фоне ослабшей власти. Эта непосредственная угроза обществом в тот момент остро осознавалась, и заказ на решение этой задачи был реальным. Именно поэтому новое руководство страны получило сразу такой огромный кредит доверия.

“Силовики” решили эту задачу, не столько устранив произвол, сколько поставив его под свой контроль. Но и это удалось лишь отчасти. Второго издания сталинизма не вышло. Государство не уничтожило хаос, а подчинило его себе. И, таким образом, само стало частью этого хаоса.

Ушли в прошлое “воры” советской эпохи, для которых государство было “внешней силой” и “абсолютным злом”. На их место пришли “олигархи-оппортунисты” и “воры-коллорационисты”. На свободе остались лишь те, кто “перестроился”. Остались те, кто увидел в государстве союзника и опору и кто сам оказался готов стать опорой государству в его делах.

Вор стал не просто респектабельным, он стал полезным. Русская поговорка “вор у вора дубинку украл” больше не звучит анахронизмом. “Новые воры”

¹ Приведу цитаты из этих статей, которые по прошествии нескольких лет продолжают быть актуальными: “Война, о которой с растерянностью и беспокойством сейчас заговорили слишком многие, — это междоусобица внутри так называемого чекистского сообщества.... Страна в начале 90-х годов пережила полномасштабную катастрофу. Известно, что после катастрофы система рано или поздно начинает собираться заново вокруг тех своих частей, которые сумели сохранить определенные системные свойства. Именно в таком смысле ‘чекизм’ может быть принят к рассмотрению. Рыхлое, неоднородное, внутренне противоречивое и далеко не однозначное сообщество людей, выбравших в советскую эпоху в качестве профессии защиту государственной безопасности, оказалось в социальном плане наиболее консолидированным. Или, если точнее говорить, наименее рыхлым. Для того чтобы оно могло уплотниться, понадобились все катастрофические воздействия. Кто-то быстро отпал, вышел из профессионального сообщества. Кто-то предал. Кто-то стремительно ‘сcurвился’. Но какая-то часть сообщества все-таки выстояла” [Черкесов 2007].

подрядились помочь государству возратить активы, ранее украденные “старыми ворами”. За разумное вознаграждение, конечно. Бессмысленно воровать у государства, когда можно эффективно и безопасно воровать *вместе* с государством. Вот он, настоящий союз “меча и ворала”.

А дальше с “чекистской корпорацией” стало происходить то же, что происходит с космическим объектом, попавшим в поле притяжения черной дыры. Она стала сходить со своей орбиты. Связи между отдельными членами корпорации и теми бизнесами, кураторами которых они становились в рамках выполнения общей задачи по возвращению государственного контроля над экономикой в интересах государственной безопасности, оказались сильнее, чем служебные и даже личные связи внутри корпорации.

Внешне единая корпорация стала распадаться на “фрагменты”. Внутри “силового блока” возникли враждующие между собой группы, находящиеся в “автономном полете”. Между этими группами и курируемыми ими криминальными и полукриминальными элементами стали возникать устойчивые и взаимовыгодные контакты. В России “стокгольмский синдром” проявился в очень извращенной форме — “заложники” привили к себе “любовь” тех, кто их удерживал.

Так внутри самой власти образовались “кланы”, публично-частные корпорации, во главе которых встали “олигархи новой формации” — лица, формально находящиеся на государственной службе, но фактически контролирующие целые отрасли экономики путем использования как формальных (законных), так и неформальных (криминальных) рычагов влияния на экономические отношения.

На первый взгляд российская государственность за последние десять лет сильно изменилась. Государство как будто снова стало субъектом, его “архитекторы” в заслугу себе ставят восстановление знаменитой вертикали власти. Однако сама власть стала ареной борьбы частных интересов. В конечном счете, все вернулось “на круги своя”, к исходной точке — угрозе приватизации власти, но теперь уже не “извне”, а “изнутри”. При этом “децентрализованный произвол” 1990-х годов уступил место “централизованному произволу” нулевых. Произошла “интериоризация хаоса”, поглощение энтропии государством. При этом хаос стал всеобщей, “системной” характеристикой состояния, как общества, так и власти в России.

Во всей этой истории смычка, взаимопроникновение и взаимодополнение спецслужб и криминальных структур является главным, вызывающим наибольшие опасения моментом. Этот опасный симбиоз возник как многофакторный процесс, частично обусловленный объективным ходом истории, частично спровоцированный субъективными экономическими и политическими ошибками правительства.

Вряд ли роль и масштаб влияния криминала на все стороны жизни современной России осознаются нами вполне. Я сомневаюсь, что страна знает своих настоящих героев. Реальной властью в России обладают вовсе не владельцы всевозможных банков, финансово-промышленных групп и индустриальных холдингов, а их “крыши”, т.е. те, кто в далекие 1990-е оказывал “молодым дарованиям” покровительство и давал деньги и на “раскрутку”.

Эти люди не стремятся к славе. Им достаточно того, что они знают друг друга. Некоторые из них сейчас стали публичными фигурами, но это, скорее, исключение из правил, чем тенденция. Загнавшая олигархов “под плинтус” одним движением бровей власть бессильна перед действительными хозяевами российской жизни. Более того, она вынуждена сотрудничать с ними, искать компромисс и зачастую просить о помощи в решении тех проблем, которые сама решить не в состоянии.

Отношения между государством и уголовным миром вообще являются куда более сложными и запутанными, чем это кажется на первый взгляд. Власть и криминал — неразлучные и вечные соперники, своего рода политические конкуренты. В основе современного государства лежит монополия на насилие. Криминал оспаривает эту монополию. По самой своей природе криминал всегда есть альтернатива государственности — “теневая власть”.

Их сосуществование естественно, как чередование дня и ночи, как восход и закат, как “да” и “нет”. Но, когда ночь “зависает” и рассвет не наступает вовсе — это ненормально. Дело не в том, что в России есть преступность (где ее нет?), дело в балансе сил. Сегодня в стране сложилось своеобразное двоевластие, при котором “дневной” и “ночной” губернаторы правят, в лучшем случае, совместно.

Уровень криминализации общества — главный показатель деградации государства. В эпоху кризисов, бедствий и упадка общественный порядок уступает место криминальному произволу. Обыватель оказывается зажатым меж двух огней: власти с ее “законами” и преступности с ее “понятиями”. Государство и криминал становятся в его глазах равновеликими авторитетами (и в одинаковой степени угрожают ему).

Однако между государством и преступностью как центрами силы, вернее, насилия, до поры сохраняется одно очень существенное различие. Государство — иерархически организованная структура, криминал — это скорее стихия, среда, хаос. Однако при определенных условиях криминал способен очень быстро организовать себя. Когда в бочке порох, достаточно одной искры, чтобы она взорвалась. Когда общество созрело для “великой криминальной революции”, достаточно одного неверного политического или экономического решения, чтобы произошла мгновенная “кристаллизация” криминальной структуры.

В США в свое время таким “триггером” стал сухой закон. Власть, поставив перед собой и обществом невыполнимую задачу, создала “массовый спрос” на преступность. Она собственными законами расчистила огромную экономическую площадку от всяких легальных правил и отдала ее на откуп бандам. Криминал всегда занимает поле боя, оставленное государством. А что до запретов, то они работают лишь там, где нет массовой потребности. Можно ведь издать закон и о запрете пользоваться туалетами, только тогда вся страна превратится в сплошной туалет.

В России 1990-х катализатором криминализации общества, по моему мнению, стала борьба с наличными расчетами. Это “сухой закон” по-русски. В экономически полуграмотной стране, где кредитная карточка была, да и сейчас остается, атрибутом столичной жизни, где народ веками самым надежным банком считал трехлитровую банку, ставить в качестве цели быстрый переход к безналичным расчетам было роковой ошибкой.

Чем активнее власть сужала сферу применения “наличных средств”, тем больше становилась в них потребность. Где есть спрос, там будет и предложение. Обеспечение потребности общества в наличных деньгах стало тем силовым полем, в котором окончательно сформировалась российская организованная преступность.

Сегодня снабжение экономики наличными средствами является целой индустрией, обороты которой, по некоторым сведениям, сопоставимы с оборотами от продажи нефти и газа. Она приносит миллиардные доходы преступному сообществу, и в принципе в России оно может уже больше ничем другим не заниматься.

Более того, государство поставило успех своей экономической политики в полную зависимость от эффективности этого криминального бизнеса. Российская экономика не в состоянии функционировать без наличных денег ни одного дня. Она не может обходиться без них так же, как европейская экономика не может обойтись без привлечения мигрантов. Большинство реальных экономических расчетов “в поле” осуществляются при помощи наличных средств. Вытеснение наличных расчетов могло бы быть целью политики, рассчитанной на десятилетия. Но кавалерийская атака на них оказалась опасной утопией.

Мало того, что власть обеспечила преступному сообществу неиссякаемый источник обогащения, так она еще должна заботиться об эффективной и бесперебойной работе созданной на этой основе индустрии “обналичивания” денег, без которых в экономике может наступить коллапс.

Неудивительно поэтому, что спецслужбы были вынуждены взять эту “отрасль экономики” под свой контроль как “стратегическую” наравне с нефтедобычей и покорением космоса. “Обналичивание” стало проходить как бы с ведома ФСБ (и, частично, МВД), оставаясь при этом подконтрольным преступному миру. Платой за организацию такого рода “наблюдения” стало активное сращивание криминала и правоохранительных органов. Крыши замкнулись друг на друга...

По этому образцу и подобию произошло “смыкание” и во всех других секторах экономики: нефтегазовом, военно-промышленном, телекоммуникационном и так далее. Итогом стало возникновение нового типа экономики, в основании которой лежит криминально-силовое предпринимательство. Эта перерожденная экономическая ткань как опухоль стремительно разрастается, грозя уничтожить вокруг себя все здоровые и работоспособные социальные клетки российского общества.

Можно ли что-то сделать? конкуренция частных и общих задач

Таким образом, реформа МВД, в отличие от “разговоров о реформе”, предполагает включение в дискуссионное поле такого огромного количества насущных вопросов, касающихся организации всей правоохранительной сферы, судоустройства и судопроизводства, о котором ни власть, ни общество не имеют сегодня ни малейшего представления. О реформе сегодня говорится легко только потому, что никто не говорит о ней всерьез. И для этого существуют вполне конкретные политические причины.

Нынешнее положение вещей в милиции и во всей правоохранительной сфере возникло не по недосмотру. Оно не случайно, не является досадным сбоем в работе политической системы, а, наоборот, имманентно присуще этой системе. Более того, в их нынешнем виде ФСБ, МВД и прочие сублиматы правоприменительной деятельности являются стержнем, на котором держится вся политика и экономика современной России. Поэтому дело обстоит еще сложнее: невозможна, по большому счету, не только частная “реформа МВД” без реформы всей правоохранительной системы, но невозможна и частная реформа всей правоохранительной системы без общей политической реформы.

Тот экономический и политический строй, который сформировался в современной России, может быть адекватно описан только в рамках научной дисциплины, которую я назвал бы “полицэкономия госкапитализма”. В основе “полицэкономии” лежит ежедневное и повсеместное вмешательство правоохранительных органов в экономическую и социальную жизнь общества. То, что сегодня в России принято называть “силовым блоком”, по-настоящему и есть экономический блок правительства. По крайней мере, реальное влияние руководителей ФСБ и МВД на экономические процессы значительно более существенно, чем влияние многих руководителей министерств экономики и финансов.

Правоохранительные органы играют сегодня самую существенную роль в процессе перераспределения материальных и финансовых ресурсов. Именно поэтому экономические преступления с каждым годом составляют все большую долю всех расследуемых дел. Население прямо и с детской непосредственностью реагирует на эту ситуацию – служба в милиции и тем более работа в налоговых органах, прокуратуре или ФСБ называются сегодня большинством выпускников школ как наиболее предпочтительная карьера. Тот, кто контролирует российскую милицию, контролирует сегодня российскую экономику.

“Силовики” появились на свет как “санитары олигархического леса”. Более того, их явление полностью вписывалось в русскую политическую традицию. Они решали вполне конкретную задачу стабилизации общества, неспособного самостоятельно выпутаться из одолевших его противоречий. У “силовиков” была своя историческая миссия в современной России. Проблема сегодня лишь в том, что они ее исчерпали. Лес сгорел, санитары превратились в мародеров.

По Гегелю, история повторяется дважды – один раз как трагедия, другой раз как фарс. В определенном смысле слова нам суждено стать свидетелями фарса “нео сталинизма”. Безусловно, аналогия эта очень поверхностна, и между эпохой Сталина и эпохой Путина лежит историческая пропасть. Тем не менее, общее между ними то, что в основе и той, и другой “систем” лежит стремление компенсировать неработоспособность институтов государственной власти при помощи создания внутреннего института “личной власти”, опирающегося на прямой персональный контроль над правоохранительными органами, используемыми как инструмент экономического и политического влияния. Разница в отсутствии сегодня идеологии и партийного контроля.

Проблема со всеми этими персонализированными компенсаторными механизмами состоит в том, что срок их жизни, как правило, строго ограничен продолжительностью жизни их авторов. В то же время их влияние на судьбу государственных институтов оказывается разрушительным. Это классический пример лекарств, у которых отрицательных побочных эффектов больше, чем пользы. То есть они дают передышку на определенное время, включая нечто вроде искусственной вентиляции легких. Но пока больное общество находится на искусственном дыхании, его институты окончательно приходят в упадок. Можно сказать, что режим персональной власти “добивает” государственные институты.

В конце концов, возникает дилемма: держать больного на искусственном дыхании вечно невозможно, но любая попытка отключить аппарат может привести к смерти. И чем дольше решение не принимается, тем тяжелее будет справиться с последствиями. Таким образом, постепенно главным вопросом политической повестки дня в таком обществе становится “стратегия выхода” их режима экономической “спецоперации” и возврата к нормальному “регулярному государству” с пусть и не идеальными, но все же самостоятельными и работающими институтами.

Исторический опыт подсказывает, что есть два сценария выхода из этого тупика: управляемый (хрущевская оттепель) и неуправляемый (смута начала XVII в.). В первом случае власть находит в себе силы самостоятельно начать демонтаж системы личной власти, частью убирая “излишества”, частью превращая сами элементы “внутренней власти” в регулярные институты. Во втором случае, режим умирает вместе со смертью своего создателя, и страна погружается в хаос, выйти из которого удастся путем невероятных усилий и ценой огромных потерь.

С этой точки зрения первоочередной задачей, стоящей сегодня перед Россией, является управляемая конверсия политической системы, ее плавная поэтапная “демилитаризация”. В рамках этого процесса мутные институты, возникшие в лоне “ментовского государства” (по образному выражению Л.Никитинского), должны быть заменены более прозрачными регулярными государственными институтами. Эта конверсия является необходимой предпосылкой модернизации, о которой сегодня так много говорится. Реформа МВД может состояться не на словах, а на деле, только как составная часть этого политического движения.

Проблема в том, что, говоря сегодня о “реформе МВД” (хотя нужно говорить о реформе ФСБ и всей правоохранительной системы), зачастую путают опухоль с аппендицитом. Тут недостаточно помахать скальпелем, чтобы больной выжил. Сколько органы ни ликвидируй (тем более, не реорганизуешь), на их месте будут отрастать точно такие же, пока не изменится сама матрица, по которой выстраиваются взаимоотношения между силовым блоком, криминалитетом и экономикой.

Возникает естественный вопрос, кто тот гениальный хирург, который будет способен провести операцию отделения спецслужб от криминала, которая по своей сложности равносильная разделению “сиамских близнецов”? Ведь по сути, спецслужбы сегодня целиком никому не подчиняются, в том числе, и президенту с премьер-министром. Никто не может пол-

ностью контролировать хаос. Хаосом нельзя управлять, с ним можно только сосуществовать.

Как часто это бывает в России, в поисках ответа на этот непростой вопрос имеет смысл обратиться скорее к собственному печальному историческому опыту, чем счастливому опыту соседей.

Продолжение следует.

Где учеба и опасна и трудна. — <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=268277&print=true>

Зорькин В.Д. Повторение пройденного. К шестнадцатилетию российской Конституции. — *Российская газета*. 12 декабря 2009 г. — <http://www.rg.ru/2009/12/11/zorkin.html>

Кремлевские войны. Аналитический доклад. — http://www.stratfor.com/memberships/147669/analysis/20091022_kremlin_wars_special_series_part_2_combatants

Латынина Ю. Сколько ментов убивают в России? — <http://www.ej.ru/?a=note&id=10184>

Пастухов В.Б. Российское демократическое движение: путь к власти. — *Полис*, 1992, № 1-2, с. 16.

Станограмма встречи В.В.Путина с участниками благотворительного вечера “Маленький принц”. — <http://premier.gov.ru/visits/ru/10771/events/10795/>

Черкесов В. Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев. — *Коммерсантъ*. 2007. <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=812840>

Дорогие читатели!

Мы постоянно стремимся сделать “Полис” интереснее, доступнее и стараемся идти в ногу со временем, оперативно реагируя на кризисные моменты в работе некоторых подписных агентств. Теперь Вы можете заказать бумажные выпуски нашего журнала непосредственно в редакции и получить его по почте наложенным платежом. Для этого надо послать заявку с точным указанием адреса по электронной почте: polis@polisportal.ru.

Вы также можете приобрести интересующие Вас статьи и выпуски журнала, как новые, так и прошлых лет, в удобном электронном виде. Приглашаем Вас в наш обновленный интернет-магазин www.polismag.ru!

С его помощью Вы можете получить свежий выпуск журнала в кратчайшие сроки, а также заказать нужные Вам конкретные статьи.

При этом стоимость электронной версии “Полиса” Вас приятно удивит. На пересылке можно сэкономить 150-100 рублей.

Ждем Вас по адресу www.polismag.ru!

Мы работаем для Вас!